

КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА

Фрейлина Высочайшаго Двора.

Время проходило; перипетии романа Вари Туркестановой, часто прерываемаго отсутствіемъ Императора, шли своимъ чередомъ, и все болѣе и болѣе она убѣждалась, что ей не удержать его, не отдавшись ему вполне. Однако она еще пыталась отдалить близкое паденіе и мрачно отвѣчала на предупрежденія Кристина: „Напрасно вы предрекаете мнѣ, что мои надежды тщетны. Ахъ! Боже мой, мои глаза открыты и мнѣ не весело; и одно только утѣшаетъ меня, что всѣ страданія должны имѣть конецъ, и время ничто по сравненію съ вѣчностью“.

Въ этотъ періодъ упадка духа, усиленнаго разлукой съ нѣкоторыми друзьями-французами, между прочимъ, съ герцогомъ Ришелье, она рѣшается на попытку бѣжать и сообщаетъ объ этомъ Кристину. Она начинаетъ свое письмо нѣсколькими эгоистичными жалобами на эмигрантовъ: „Мнѣ кажется,—пишетъ она,—что они немного выиграли, вернувшись на свою родину. Герцогъ Полиньякъ и графиня Діана не спѣшили уѣхать; и поступили благоразумно, очень вѣроятно, что они останутся въ Россіи, какъ возможно, что и герцогъ Ришелье вернется къ намъ, потому что во Франціи теперь нѣтъ ничего установившагося“... Далѣе она говоритъ о своемъ уединеніи во время говѣнія: „Я провела 8 дней одна; мнѣ хотѣлось испытать, очень ли чувствительно будетъ для меня лишеніе общества; говоря по правдѣ, это не было ужаснымъ; однако, я еще не дошла до того, чтобы добровольно отказать отъ него окончательно.. Вообще, я, кажется, еще далеко не созрѣла для одиночества...“

То была борьба пламенной души противъ искусственныхъ узъ, но, главнымъ образомъ, бѣгство отъ страсти, проснувшейся поздно и заставлявшей ее грѣшить противъ того, что княжна возвела въ принципъ своего существованія—противъ стремленія къ цѣломудрію и чистотѣ нравовъ. Также смущало ее опасеніе упасть въ глазахъ тѣхъ, кто ставилъ ее на такой высокой пьедесталъ... Старательно избѣгая признанія, которое могло бы пролить свѣтъ на настоящее положеніе вещей, она говоритъ о тоскѣ своей въ письмахъ, прибавляя: „будьте осторожнѣй и не заставьте меня горевать обо мнѣ самой, этимъ вы причинили бы мнѣ зло“....

Она была ревностной православной, однако ее привлекалъ католицизмъ, и іезуиты, нашедшіе убѣжище въ Петербургѣ, вызывали ея симпатію; ихъ просвѣтленная вѣра, ихъ личное самоотреченіе—говорили ея воображенію и сердцу; она, главнымъ образомъ, жаждала того, чего не находила въ своей религіи—духовнаго руководителя, идеалъ коихъ видѣла она у іезуитовъ. Въ это время она познакомилась съ М-ше Свѣчиной, приготовлявшейся къ великой роли, предстоявшей ей въ католическомъ мірѣ, и сумѣла оцѣнить ея значеніе. Общія стремленія привлекали ихъ одну къ другой, и эти двѣ женщины съ одинаково возбужденными душами должны были понять другъ друга.

Варя Туркестанова пишетъ въ одномъ письмѣ къ Кристину*): „Ахъ, Боже мой, что же такое это хожденіе въ церковь, обѣдни, чтенія? Вѣдь ясно же, что это только внѣшнее поклоненіе. А, между тѣмъ, не то вѣдь намъ проповѣдывалъ Тотъ, къ кому мы обращаемся съ этимъ поклоненіемъ. Самоуничтоженіе, полное самоуничтоженіе, *милостыня самая нѣжная*, вотъ, что требуется,—и чего здѣсь нѣтъ“.

Что касается ея, она раздавала милостыню шире, чѣмъ позволяли ея скромныя средства. Она воспитывала сироту одиннадцати лѣтъ, сына проворовавшагося портоваго служащаго Гертеля; она, поддерживала свою старую гувернантку и вообще относилась къ бѣднымъ и обездоленнымъ съ великимъ самоотверженіемъ; но ея снисходительность не распространялась на сильныхъ міра сего, которыхъ она съ удовольствіемъ безжалостно критиковала.

Она доводила свои якобы демократическія чувства до того, что сдѣлалась учительницей своей молоденькой горничной Надежды, ко-

*) Письмо отъ 3 сентября 1814 г. ненапечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“.

торую она прозвала „мадемуазель де Модень“, потому что она напоминала ей чертами лица ея самого стариннаго друга. Княжна каждый день давала ей уроки французскаго языка *) и исполняла все ея желанія. Въ концѣ концовъ, въ душѣ этой свѣтской женщины проснулась жажда миссіонерства, и она такъ усердно работала надъ обращеніемъ графа Маркова, бывшаго парижскаго посланника, что Крестинь думала выдать ее за него замужъ; но ничего подобнаго не могло быть... Когда ей не удалось возбудить религіозности Маркова, она привялась за своего сосѣда по дворцу Свистунова, и говорить въ своихъ письмахъ о его набожности и большой перемѣнѣ, которую ей удалось произвести въ немъ. Она молится и посѣщаетъ проповѣди, между тѣмъ какъ посѣтители ждутъ ее въ пріемной. Крестинь сравниваетъ ее съ св. Терезой... Чѣмъ болѣе вчитываешься въ эту оригинальную переписку, тѣмъ сильнѣе становится предпочтеніе къ Крестину, неизмѣнно болѣе благородному, великодушному, симпатичному въ своей простодушной довѣрчивости къ графинѣ Брولي и къ самой княжнѣ Туркестановой, которую приходится чаще сожалѣть, чѣмъ восхищаться ею.

Иногда Варя Туркестанова обнаруживаетъ страхъ, какъ бы кто не прикоснулся къ ея тайной ранѣ, и Крестинь ей отвѣчаетъ: „Ваше письмо отъ одиннадцатаго доказываетъ, что ваши душевныя горести, заставляютъ страдать больше физической боли. Я знаю это состояніе и умѣю ему сочувствовать. Остается только одно—постараться развлечься. Это болѣзнь людей, пресыщенныхъ и избалованныхъ судьбою и усилъхомъ. а также тѣхъ, кто видитъ, что нравственно невозможно получить желаемое, и когда желаніе это слишкомъ сильно. Я нѣкогда самъ страдалъ такимъ образомъ. Меня вылѣчили года, отнявъ у меня силы желаній. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ мои желанія были словно лучи жгучаго сердца, теперь—это лунный лучъ, мягкій, нѣжный, чуть-чуть меланхолическій, но не ранящій никогда“.

Чувствамъ его друга было еще далеко до луннаго свѣта. Любовь, пока, озаряетъ ея горизонты, но въ своемъ отчаяніи она пишетъ: „My time is finished! (Мое время прошло). Я хотѣла было выгравировать эти слова на печаткѣ, чтобы убѣдить въ томъ немногихъ людей, интересующихся мною; но что-то помѣшало; можетъ быть то, что это изрѣченіе навело бы меня на грустные воспоминанія, а ихъ было бы опасно оживлять каждый разъ, какъ пришлось бы запечатать письмо или записку“.

*) Письмо отъ 18 іюня 1815, тоже неизданное.

Она ошибалась, говоря, что ея „время миновало“. Хотя ея всемогущій возлюбленный и охладѣвалъ къ ней, но драма только что начиналась. Какая сердечная загадка или неожиданная вспышка чувственности, заставила эту женщину столь возвышеннаго ума и наклонностей, столь безупречнаго поведенія до тѣхъ поръ, испытывая исключительное по своей красотѣ чувство. въ то же время начать чувствовать по иному? Если она не хотѣла сказать Кристину всего, происходившаго между ею и Императоромъ, тѣмъ болѣе она должна была скрывать отъ него свое безумное увлеченіе Владиміромъ Голицынымъ: но она искала облегченія отъ своихъ душевныхъ страданій въ неопредѣленныхъ жалобахъ и полупризнаніяхъ.

„Ваши жалобы огорчаютъ меня и возбуждаютъ мое участіе,— писалъ ей Кристинъ,—но совершенно не объясняютъ мнѣ, въ чемъ ваше страданіе. Я желалъ бы угадать это, и моя дружба, можетъ быть, смягчила бы его. Во всякомъ случаѣ, не теряйте твердой рѣшимости бороться, противиться всѣми средствами: напрягайте всѣ ваши силы, надѣйтесь на самыя дѣйствительныя, одерживайте, сколько можете побѣды, но не впадайте въ отчаяніе, не теряйте бодрости духа, если вамъ и не всегда случится взять верхъ... Можетъ быть, мои слова не имѣютъ никакого отношенія къ вашему положенію, и въ такомъ случаѣ вамъ легко дать мнѣ понять это: потому что легче сознаться во всякой слабости, чѣмъ въ той, что приходитъ отъ *сердечной нлжности* и отъ *всплывшихъ чувствъ*“.

Кристинъ мечталъ о роли де Ментенонъ для своего друга (кромѣ морганатическаго брака), но онъ забывалъ насколько времена перемѣнились. То, что могло составить славу женщины при дворѣ Людовика XIV, не было допустимо при дворѣ Александра I, любовь котораго къ фрейлинѣ требовала такой тайны, что даже потомство не можетъ вполне разъяснить ее.

Кристинъ пишетъ еще:

„Рискуя, что вы выберете меня, не могу не сказать, что нахожу въ васъ большое сходство съ де Ментенонъ: вы обладаете именно тѣми качествами, какія у нея были, и помогли ей сдѣлать карьеру“....

Дѣйствительно, княжна Туркестанова обладала удивительнымъ тактомъ, большой свѣтской находчивостью, но, въ сущности, по своей

природѣ составляла полную противоположность съ весьма осторожной особой, которую ей ставили въ примѣръ, и Крестинъ, несмотря на весь свой умъ, несмотря на слишкомъ откровенныя признанія, вырвавшіяся у несчастнаго друга, продолжалъ заблуждаться. Особенно ему не приходило въ голову подозрѣвать ея любви къ Владиміру Голицыну, котораго онъ касался мелькомъ и спокойно: „Онъ сталъ *очень красивымъ молодымъ человѣкомъ*, и если что нибудь не испортитъ хорошаго въ немъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ замѣтнымъ“.

Этотъ спокойный тонъ скоро смѣняется новымъ недвусмысленнымъ признаніемъ:

„Увы, дорогой другъ, вы слишкомъ хорошо угадали положеніе, въ которомъ я вамъ писала о недовольствѣ собою. Но будьте увѣрены, что я еще крѣпко хочу побороться съ *стремленіями этого приводящаго въ отчаяніе тѣла*. Бываютъ дни, когда я переполнена геройской храбрости, бываютъ другіе, когда я настолько падаю духомъ, что ни одной утѣшительной мысли не приходитъ въ голову. Странная моя судьба: мнѣ кажется, что единственная работа, требуемая отъ меня,—стоять всегда какъ солдатъ съ пикой на готовѣ, чтобы отражать нападенія моего роковаго врага, и можно ли представить себѣ, что мои годы еще не защищаютъ меня отъ подобныхъ нападеній, потому что вѣдь только Мятлевъ считаетъ меня молодою. Однако, довольно на эту тему, и дайте мнѣ честное слово, что никогда не будете меня спрашивать ни о чемъ подобномъ: увѣряю, что я вамъ оказала этимъ большое довѣріе: я чувствую, что не могла бы говорить объ этомъ съ родной сестрой“.

Это лестное и необычайное довѣріе, обращенное къ мужчине, все еще держится въ извѣстныхъ границахъ: никто не названъ.

Вѣрный рыцарь княжны въ Москвѣ старался представить себѣ положеніе дѣль и предугадать послѣдствія. Онъ пишетъ: „Никто, кромѣ Андрея, сказавшаго мнѣ, что Государь много разговаривалъ и танцевалъ съ вами, ничего не говорилъ по этому поводу; можетъ быть, это, случится рано или поздно, и я скажу вамъ, если объ этомъ будутъ судить превратно. То что вамъ *отвѣчали* о правдивости и о очарованіи быть дѣйствительно любимымъ, конечно, должно было тронуть ваше сердце. Я думаю тоже, что вамъ *хотятъ доказать* свою привязанность, говоря столь кудрявымъ слогомъ про васъ.
. Вы поступили бла-

горазумно, рассказавъ Государынѣ объ этомъ посѣщеніи; то же благо-разуміе должно заставить васъ умолчать о немъ передъ другими. Мнѣ не приходится напоминать, что вы должны крѣпко держать голову обѣими руками, чтобъ она не закружилась. Не выпускайте себя изъ рукъ, но живите этой милостью, ибо она сама пришла къ вамъ; наслаждайтесь ею вполнѣ, а, если сердце принимаетъ тутъ участіе, старайтесь отвести долю и разсудку. Это очень трудно,—я это очень хорошо знаю,—но необходимо, или вслѣдъ за первыми восторгами придутъ живыя, острые страданія. Смотрите всегда въ будущее, чтобы не ошибаться въ настоящемъ. Если возможно, чтобы между *вами* установилась стойкая, продолжительная *дружба* съ тѣмъ отгѣнкомъ нѣжности, который всегда слышенъ въ дружбѣ мужчины и женщины, это бы было раемъ для васъ на этой землѣ.... Желаю вамъ этого больше всего, дорогая княжна, это пожеланіе нѣжнаго друга, покинувшего страну страстей. Но въ раю этомъ будетъ своя змѣя, и эта змѣя станетъ искушать васъ: не сомнѣвайтесь въ томъ! Посѣщенія, конечно, повторятся, и я даже отчасти радъ, что столь быстрый отъѣздъ дастъ вамъ возможность все обдумать. Вы стоите передъ большимъ искусомъ; я увѣренъ, что вы выйдете изъ него побѣдительницей. Всѣ мои желанія съ вами и мысль о васъ почти стала моей обычной мыслью. Вы, конечно, помните особу, съ которой я сравнивалъ васъ прошлой зимой: я сравнивалъ васъ по характерамъ прежде, чѣмъ можно было сравнивать ваши положенія. Возьмите эту особу себѣ за образецъ, и прошу васъ настоятельно, дѣлайте все, что могло бы напомнить вамъ ее; имѣйте ея умъ, умѣренность, скромность и высокую осторожность“....

Онъ разсуждалъ вѣрно, но, если можно было бы найти во Франціи прошлыхъ вѣковъ прототипъ русской фрейлины, то такимъ прототипомъ скорѣе могла бы быть мадемуазель де Леспинасъ, мучимая свою двойною любовью къ Мора и Гиберу, чѣмъ уравновѣшенная и благоразумная возлюбленная Великаго Короля.

Опасенія Кристина не замедлили оправдаться: по городу стали ходить слухи, сильно смутившіе его, и онъ писалъ княжнѣ:

„У меня будетъ случай сказать вамъ, что думаютъ о вашемъ положеніи; по почтѣ это сдѣлать невозможно, потому что это могло бы скомпрометировать глупцовъ, что повторяютъ здѣсь сплетни ложныхъ друзей, окружающихъ васъ. Когда я вамъ сообщу эти подробности, вы сами разсудите, могутъ ли эти люди дѣйствительно интересоваться вами, когда имъ приходится превозносить васъ до небесъ. Вы скажете, пожа-

луй, что все это плоды моего воображенія, но, повторяю вамъ, я вижу ясно и убѣжденъ, что ваша безопасность и нерушимость пріятностей вашего существованія зависятъ во многомъ отъ нѣкотораго уединенія вашего въ настоящее время. Если мои опасенія покажутся вамъ преувеличенными, если вы увидите въ нихъ химеръ. смотрите на нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ на доказательство дружбы, которая желала бы все предвидѣть и все предупредить“....

Кристинъ и не подозрѣвалъ, какъ тщетны были его проповѣди для влюбленной безъ ума женщины, чувственность которой не могло преодолѣть воспитаніе, и которая, когда наступило время, предпочла смерть признанію въ своей винѣ.

Впрочемъ, если Кристинъ и ошибался относительно ея душевнаго состоянія, то причиной тому была смѣсь вызывающихъ признаній и упорнаго умалчиванія, которыхъ княжна держалась въ своихъ письмахъ къ нему. Она такъ же сумѣла скрыть при Дворѣ свою связь съ Голицынымъ, о которой никто не зналъ при ея жизни. Всѣ считали это обыкновеннымъ свѣтскимъ флиртомъ, заслуживающимъ лишь улыбки; и никто не смотрѣлъ на это серьезно. Когда злословіе занялось княжною, ея имя связывали исключительно съ именемъ Императора. Въ Москвѣ, особенно, всякіе „говорять...“ приняли очень скоро фантастическіе размѣры; ея открыто называли фавориткой и, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что она сдѣлалась орудіемъ „секты кальвинистовъ“, мистицизмъ которыхъ имѣлъ все увеличивающееся вліяніе на Александра I.—„Она слушаетъ только ихъ, и никто не можетъ сказать ей правды о той опасности, которой она подвергаетъ Государство“—говорило одно изъ важныхъ лицъ древней столицы сестрѣ предполагаемой виновницы, занятой гораздо больше своими личными сердечными дѣлами, чѣмъ политическими вопросами. Вся ея душевная жизнь была охвачена этой внутренней борьбой и сопротивленіемъ смѣлымъ попыткамъ Владиміра Голицына. По поводу свадьбы общей знакомой, княжна писала Кристину:

„Наташа умна и потому сдѣлаетъ изъ мужа все, что ей захочется. Что же касается безпокоящаго васъ вопроса, не знаю, какого она будетъ объ этомъ мнѣнія, но знаю, что для меня это было бы счастьемъ! Подобный человѣкъ неоцѣнимъ въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, какъ любовникъ (какъ мужъ—не знаю); всю свою жизнь я мечтала объ этомъ,—именно всегда желала чего-то, что не вело бы къ *полному и счастливому* окончанію, какого вы желаете. Что меня всегда ужасно огорчало—это, что меня не хотѣли слушать въ этомъ отношеніи,

„И напрасно я представляла, что и того и другого довольно,—нѣтъ, не было возможности побѣдить то, что называютъ *щепетильностью*, и вотъ причина моего глубокаго огорченія.... Еще нынѣшней зимой (sic) я искала существа подобнаго тому, кого вы описываете. Я и не думаю не договаривать; вы, повидимому, напрасно стараетесь убѣдить себя, будто я не поняла ничего изъ сказаннаго вами.

„Увы! я хорошо понимаю васъ, и вотъ каковъ мой образъ мыслей... Но каковъ бы онъ ни былъ, эти глупости должны оставаться между нами“.—

Случившееся впоследствии заставляетъ думать, что княжна не была вполне откровенна, во всякомъ случаѣ, ей, можетъ быть, удалось бы найти осуществленіе своего „идеала“ (если бы онъ не былъ первымъ европейскимъ самодержцемъ!) въ Императорѣ Александрѣ, мечтателѣ, сентименталистѣ, котораго *mademoiselle George* въ своихъ мемуарахъ называетъ даже импотентнымъ.... Другой представлялъ изъ себя иной типъ.... Но какъ бы то ни было, пропасть разверзлась, и княжна бросилась въ нее, очертя голову.... Она отдалась Императору раньше: Голицынъ овладѣлъ ею лишь поздиѣ.... Всемогушій повелитель взялъ верхъ; она пала; и ея не пощадили всѣ ужасы отчаянія; она была набожна и боялась грѣха, но ея мученіе зависѣло также отъ сомнѣнія въ свойствахъ внушаемыхъ ею чувствъ, колебавшагося при каждомъ вѣтеркѣ, какъ слишкомъ слабое пламя. Скоро ее начала снѣдать новая, горькая забота: бывшая фаворитка снова появилась, послѣ долгаго отсутствія за границей. Варя Туркестанова, уязвленная ревностью, пишетъ Кристину*): „Дѣвица Нарышкина представлялась ко двору; она красива; однако мать гораздо красивѣе ее. Она ослѣпительна. Она обладаетъ какимъ нибудь секретомъ поддерживать свою красоту! Она поразила меня своей свѣжестью. Если бы я была Императоромъ, и я опять встрѣтила бы эту женщину, помня прошедшее.—мнѣ кажется, у меня снова закружилась бы голова“....

Кристинъ въ своемъ отвѣтѣ, безпокоится этой вспышкой ревности, которая могла отравить существованіе его друга. Разорвать магическій кругъ не было возможности; она не могла идти противъ силы вещей, но въ продолженіе лѣта, послѣдовавшаго за очаровательнымъ пребываніемъ въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ плѣнительнаго вниманія Государя, она пользовалась обществомъ своихъ старыхъ друзей и, главнымъ обра-

*) Письмо отъ 25 іюля 1818 г.

зомъ, Кристина. несравненнаго нравственнаго руководителя, повѣреннаго ей самыхъ сокровенныхъ мыслей,—она продолжала пользоваться кратковременнымъ обманчивымъ уединеніемъ.

Разставаясь съ роднымъ городомъ, она посылаетъ Кристину трогательное письмо:

„Я плакала точно сумашедшая съ той минуты, какъ сѣла въ экипажъ, который долженъ былъ унести меня отъ васъ...

„Прощайте, дорогой; я грущу, мнѣ кажется, что со мной случится несчастье!“

Это было предчувствіе, оправдываемое роковой близостью, узы которой она не могла порвать, и которая стала еще тѣснѣе въ Москвѣ, гдѣ жила семья обольстителя, о чемъ она, впрочемъ, упоминаетъ лишь мелькомъ: „Я между Моденомъ и *Владиміромъ*, разговаривающимъ объ этомъ вѣчномъ процессѣ Фуальдеса“.... Но, какъ она сама признавалась, „роковая плоть производила жестокия опустошенія“, и у нея уже начинала кружиться голова.

Лѣтомъ, въ Іюль мѣсяцѣ, у нея снова явилась мысль удалиться отъ Двора и поселиться гдѣ нибудь въ провинціальной глуши; но черезъ нѣсколько недѣль она измѣнила свое рѣшеніе и успокаиваетъ Кристина, еще встревоженнаго ея планами: „Будьте покойны, я не покину Двора въ нынѣшнемъ году, если только не умру.

*

Развязка была ближе, чѣмъ она предполагала.

Съ возвращеніемъ зимы ея связь съ Голицынымъ развивалась своимъ чередомъ въ полной тайнѣ, рядомъ съ отношеніями къ Императору, которыя она съ необыкновеннымъ искусствомъ скрывала отъ всѣхъ. Одна только Императрица-мать знала о посѣщеніяхъ княжны сыномъ и не желала видѣть въ нихъ ничего предосудительнаго. Однако, несмотря на всѣ предосторожности, дальнзоркость придворныхъ проникла въ ея тайну, и, само собой разумѣется, княжна сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія, что доставило ей даже нѣкоторое удовольствіе. Къ новому кружку, привлеченному къ ней ея зарождающимся вліяніемъ, присоединяются неизмѣнныя привязанности прошлаго. Рибопьеръ сохранилъ свою дружбу къ ней и не проходило дня, чтобы онъ не навѣщалъ ея. Моденъ, другой ея сердечный другъ,

вернулся изъ Парижа, и она шутила пріятно по поводу его возвращенія: „Если кто счастливъ, такъ это его жена; она не помнитъ себя отъ радости, любясь имъ съ утра до вечера. Что касается милаго муженька, то онъ, кажется, и на половину не раздѣляетъ этой радости“.

И если Моденъ не находилъ большого удовольствія въ супружескихъ нѣжностяхъ, тѣмъ болѣе онъ стремился встрѣчать изящную княжну Туркестанову и повторять этой женщинѣ, столь граціозной и отзывчивой, впечатлѣнія. вынесенныя изъ родины. Оттуда онъ бѣжалъ во время Террора, преслѣдуемый какъ дикій звѣрь, и тамъ теперь его такъ естественно привѣтствовалъ Дворъ, а еще больше возвышала въ глазахъ публики принадлежность къ свитѣ Императора Россійскаго, въ руки котораго рокъ два раза отдавалъ судьбы Франціи. Ни одинъ государь не игралъ въ исторіи этой страны такой роли, какъ Александръ I. что не мѣшало ему сохранять самое неблагопріятное воспоминаніе о націи. спасенной имъ, и слишкомъ охотно принимать перебѣжчиковъ, отъ Поццо ди Борго до Моро.

Внѣшнее поклоненіе отзывалось вдвойнѣ въ ея душѣ, и княжна Туркестанова тоже преклонялась передъ идоломъ своего народа. хотя и на другомъ алтарѣ курился въ то же время ѳиміамъ. Она продолжала покровительствовать передъ Государемъ честнымъ, непризнаннымъ людямъ, покинутымъ и обездоленнымъ. Она продолжала свои дежурства, исполняла свои свѣтскія обязанности, но мало по малу вопросы и болѣе важныя,—нѣкогда драгоцѣнная дружба, политическія личности. съ которыми приходилось встрѣчаться—все отступало на второй планъ. все стусевывалось: она вся ушла въ свое двойственное чувство. Въ отношеніи перваго ея ревность всегда была на сторожѣ. такъ какъ Императоръ, при своей новой связи, какъ казалось, не отказывался отъ старой: Нарышкина не сходила со сцены. Владиміръ Голицынъ думалъ о женитьбѣ, и княжна не знала, ревнуя,—отъ котораго изъ двухъ она больше страдаетъ: отъ повелителя ли, которому подвластны всѣ земныя благополучія; или отъ молодого человѣка, къ которому ее влекла неодолимая сердечная и чувственная страсть. Голицынъ, гораздо моложе ея, вѣтренникъ, кутила, котораго обвинять впоследствии въ гнусномъ поступкѣ. будто совершенномъ надъ нею при помощи наркотическаго средства. даннаго подкупленной горничною*), открыто измѣнилъ ей, прося руки дѣвицы Лопухиной. Однако ему отказали. Этотъ коварный поступокъ дошелъ до свѣдѣнія женщины. которую онъ увѣрялъ въ своей любви.

*) Предисловіе бар. Будберга къ его замѣткѣ о Кристинѣ.

и причинилъ ей жестокія разочарованія. Перипетіи двойной драмы, созданной ею себѣ, ужасныя впечатлѣнія, которыя приходилось переживать не жалуясь.—все это начало отзываться на ее здоровьи, цвѣтущемъ до сихъ поръ. Ея единственнымъ утѣшеніемъ были ежедневныя посѣщенія ея друзей Модена, Рибопьера и Лаваля.—Императрица, расположенная къ своей изящной фрейлинѣ, утомляла ее своими мелочными порученіями, своими постоянными поѣздками; и все это приходилось принимать съ довольнымъ лицомъ. Вѣроятно, послѣ этой зимы, весной 1818 г. произошло роковое паденіе. Лѣтомъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, Владиміръ Голицынъ засталъ однажды ночью Императора у княжны Туркестановой...

Какъ она была далеко отъ идеала, который ей рисовалъ Крестинъ! Не устоявъ противъ Императора, она съ другой стороны, не устроила свою жизнь такъ, чтобы серьезно привязать его къ себѣ. Можетъ быть причиной къ тому была страсть къ Голицыну, котораго она желала видѣть постоянно и, благодаря чему, она проводила все свое время въ гостинныхъ, гдѣ можно было его встрѣтить. Гораздо позднѣе,—когда трагедія уже окончилась—Крестинъ писалъ по этому поводу: „Любовь княжны къ свѣту и обществу, гдѣ она имѣла такой успѣхъ, не согласовалась съ дружбой Императора. Государь рѣдко открываетъ свое сердце человѣку, у котораго слишкомъ много знакомыхъ: болѣе уединенная жизнь внушила бы больше довѣрія, и я пытался убѣдить въ этомъ моего друга“.

Какъ видно, Крестинъ, несмотря на все свое знаніе человѣческихъ слабостей, вѣрилъ въ чистоту отношеній Вари Туркестановой съ Императоромъ. Чтобы объяснить это ослѣпленіе, можетъ быть, нѣсколько преднамѣренное, надо вспомнить собственное признаніе княжны въ одномъ изъ ея писемъ: „При видимой откровенности, я умѣю скрывать многое“.

Въ своемъ заблужденіи, онъ старался, чтобы она прониклась его желаніями относительно положенія, занимаемаго ею при Дворѣ; онъ желалъ, чтобы „она была другомъ Государя безъ примѣси какихъ либо иныхъ чувствъ“. Дѣйствительность оказалась иною: когда онъ узналъ истину и ему пришлось низвести княжну съ пьедестала чистоты, на который онъ поставилъ ее, онъ, умирая, писалъ княгинѣ Софіи Бобринской:

„Не кажется ли вамъ, что подобныя вещи не только не озлобляютъ противъ людскихъ слабостей, но, напротивъ, внушаютъ вѣжную

жалость къ тѣмъ, кто падаетъ?“ И возвращаясь къ тому времени, когда онъ пытался поддержать княжну на добромъ пути, онъ вспоминаетъ „мои длинныя письма, что были моимъ самымъ нѣжнымъ наслажденіемъ“.

Если поведеніе княжны могло казаться легкомысленнымъ Императору, она сама не могла не дѣлать ему въ душѣ подобнаго же упрека. Въ слѣдующемъ году¹⁾ за нѣсколько недѣль до конца, она замѣчаетъ въ немъ измѣненіе, вносящее въ ея истерзанное сердце самое сладкое успокоеніе.

„Совершенная неправда, что посѣщенія Г. Великаго²⁾ прекратились... Эта привычка посѣщать всѣхъ женщинъ могла вызвать только сплетни.“—Однако перемѣну нельзя приписать новому сближенію между ними, котораго, въ дѣйствительности не произошло, хотя разрывъ съ Голицынымъ совершился еще въ предыдущую зиму:—„Я простила съ Голицынымъ“,—писала она.

Осенью княжна Туркестанова была выбрана въ число лицъ, которыя должны были сопутствовать Императрицѣ-матери въ путешествіи, и она покорилаь этому распоряженію, безусловно нелѣпому, ибо она уже готовилась стать матерью (это можно вывести изъ сопоставленія датъ) вѣроятно³⁾, не подозрѣвая объ этомъ. Можетъ быть, впрочемъ, она поступила бы также, еслибы и знала о своемъ положеніи: она стала равнодушна къ жизни, сдѣлать любую неосторожность—для нея ничего не значило: она погибла въ глазахъ Императора, тѣмъ болѣе, что ея отношенія къ Голицыну, особенно же роковая встрѣча въ Августовскую ночь, оставили въ душѣ Александра недовѣріе, которое не могло исчезнуть.

Она уѣхала изъ Петербурга больная, со смертельной тоской въ душѣ.

¹⁾ Письмо 24 марта 1819.

²⁾—„M. Le Grand“,—названіе, которымъ княжна Туркестанова обозначала въ своихъ письмахъ Кристину Императора.

³⁾ По словамъ кн. Наталіи Николаевны Голицыной: „Всѣ, кто помнитъ княжну Туркестанову, говорили, что ее оцопилъ наркотическимъ средствомъ Императоръ Александръ I и тогда лишилъ ее дѣвственности. Княжна не подозрѣвала о своемъ положеніи, когда отправилась въ заграничное путешествіе съ Императрицей Маріей Феодоровной. Императоръ также не зналъ объ этомъ. Когда родилась маленькая Мими, князь Владиміръ Голицынъ потребовалъ ея выдачи ему, показывая уполномочіе Александра I“. Это свидѣтельство невѣрно: Императору не надо было наркотиковъ, чтобы обладать княжною.

Путешествіе Императрицы-матери началось 28 августа 1818 г.

Княжна Туркестанова помѣщалась въ каретѣ Ея Величества—почетъ, который могъ только страшно стѣснять ее, такъ какъ лишалъ ее всякихъ удобствъ. Передъ отъѣздомъ она дала слово графу и графинѣ Литга вести дневникъ этой великолѣпной поѣздки, главная цѣль которой была посѣтить дворы различныхъ дочерей Ея Величества: Великой герцогини Веймарской, Принцессы Оранской и Королевы Виртембергской. Эти наѣзды были для матери Александра I родомъ триумфальнаго шествія по Европѣ,—всѣ государи при ея проѣздѣ, начиная съ Короля Прусскаго и Императора Австрійскаго, наперерывъ чествовали ее. „Мы путешествуемъ какъ вавилонскіе цари, а мнѣ все надоѣло до послѣдней возможности“,—пишетъ бѣдная фрейлина. Она переносила истинную физическую пытку и чувствовала себя словно подъ тяжестью кошмара. Несмотря на рѣшеніе не падать духомъ, у нея вырываются фразы, позволяющія догадываться о ея горѣ.

Этотъ дневникъ передавался въ двухъ экземплярахъ, Крестину, который могъ читать между строками, тѣмъ болѣе, что она съ тѣмъ же курьеромъ посылала ему письма, полныя подробностей о томъ, что она испытывала. Онъ писалъ въ отвѣтъ: „Судя по лѣкарствамъ, которыя вамъ даютъ, у васъ женская болѣзнь“.

Во всякомъ случаѣ онъ не подозрѣвалъ истины, даже когда она ему рассказывала:

„Антонъ Радзивиллъ давалъ намъ обѣдъ. Если бы у меня не болѣло все время что нибудь, я лучше бы сумѣла оцѣнить кушанье которое показалось мнѣ прекраснымъ. Но послѣ ужина въ этотъ вечеръ меня стошнило... Надо посмотрѣть, какъ ѣдятъ нѣмцы; если старикъ, бывшій моимъ сосѣдомъ за ужиномъ, не умеръ—то, нужно думать, онъ безсмертенъ“.

И путешествіе это, бывшее для нея тяжелой фантазмагоріей, продолжалось черезъ красивыя мѣстности,—прерываясь восторженными приѣмами, въ которыхъ княжна была принуждена принимать участіе. Она добросовѣстно описываетъ все своимъ друзьямъ, но вновь и вновь слышатся воспоминанія объ отчаянномъ нездоровьи: „При всемъ томъ я не могу наслаждаться всѣмъ этимъ, если мнѣ не вернется здорье.... Я ничего не могу ѣсть“....

Жизнерадостность проснулась въ ней въ Аахенѣ, гдѣ конгрессъ удерживалъ Александра. Что она испытала, свидѣвшись съ нимъ, изъ ея ежедневныхъ записей, предназначенныхъ для чтенія нѣсколькихъ лицъ, не видно;—она удовлетворяется тѣмъ, что записываетъ: „Я нашла Государя похудѣвшимъ послѣ легкой болѣзни: впрочемъ очень веселымъ и изящнымъ“.

Она часто смотрѣла на Герцога Веллингтона:

„Его лицо совершенно таково, какимъ я его себѣ представляла; въ немъ есть все, что можетъ нравиться въ отношеніи правильности чертъ и открытаго выраженія. Послѣ стола Императоръ (*sic*) пожелалъ, чтобы я познакомилась съ Герцогомъ, и представилъ мнѣ его. Можетъ быть, мы опять увидимъ его въ Брюсселѣ“.

Она знала, что встрѣтитъ тамъ своего возлюбленнаго монарха, и эта надежда ея больше всего озабочивала. И жалобная нота на время замолкаетъ: волненіе при мысли о свиданіи поглощаетъ всякое другое чувство.

Изумительно, что въ продолженіе всего путешествія, она, повидимому, и не подозрѣваетъ о своемъ положеніи; она совѣтуется съ докторами, принимаетъ въ изобиліи лѣкарства. Невѣроятно, чтобы дѣвушка въ ея годы могла быть до такой степени неосвѣдомлена, и чтобы нѣкоторые признаки, о которыхъ она пишетъ Крестину, не открыли ей глаза.

Въ Аахенѣ ее ожидало еще радостное волненіе — встрѣча съ стариннымъ, дорогимъ другомъ, какимъ, по ея словамъ, былъ для нея „добрый герцогъ Ришелье“. Она нашла его похорошѣвшимъ и помолодѣвшимъ, а между тѣмъ онъ, уѣхавъ изъ Россіи, находился далеко не въ блестящемъ положеніи.

„Это милое и прекрасное общество задержало насъ до половины шестого, такъ что мы пріѣхали въ Кельнъ довольно поздно“,—прибавляетъ она.

По прибытіи въ Брюссель она съ увлеченіемъ принимается за различныя лѣченія, которыя начинается 1-го Ноября: „Утро у меня было свободное, у меня собрался консилиумъ изъ двухъ мѣстныхъ докторовъ; я имъ объяснила всѣ свои страданія, и хотя эти врачи,

можетъ быть, никогда меня больше не увидятъ. я была очень рада узнать ихъ мнѣніе о *странномъ состояніи* моего здоровья. Г. Монтанъ, одинъ изъ нихъ, убѣдилъ меня, и я нахожу, что онъ объясняетъ исторію моей болѣзни гораздо лучше, чѣмъ нашъ маленькій Руль¹⁾... Затѣмъ отъ вопросовъ здоровья перешли къ политикѣ, докторъ разсказалъ мнѣ многое, что подтверждаетъ мои недавнія разсужденія о королевствѣ Нидерландскомъ и даже Франціи. Все ненадежно“.

Дальновидность княжны въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе замѣчательна, что окружавшіе ее не раздѣляли ея мнѣнія, и сохраняли свои иллюзіи. Принцесса Оранская считала себя популярной и жила, окруженная блестящимъ дворомъ въ городѣ, которому скоро предстояло, послѣ отдѣленія отъ Голландіи, сдѣлаться бельгійской столицей подъ другимъ скипетромъ.

На слѣдующій день, 2 Ноября, княжна пишетъ:

„День начался съ посѣщенія моего поваго эскулапа; онъ пропишетъ мнѣ средство, которое я хочу принимать безъ вѣдома маленькаго Руля; будь, что будетъ“.

Заблужденіе продолжается, но, быть можетъ,—это притворство? Варя Туркестанова жила въ такой неискренности, что оба предположенія допустимы: ясно только, что сильныя средства подрываютъ организмъ. Ей не къ кому было обратиться съ совѣтомъ: говорить съ княгиней Ливенъ, было тоже, что сообщить Императрицѣ. Это было невозможно; а подруга княжны по службѣ, прелестная Софи Самойлова, будущая графиня Бобринская, была слишкомъ молода, чтобы къ ней можно было обратиться съ подобными конфиденціями. Оставалось только идти по той-же дорогѣ.

Обратное путешествіе на родину, котораго княжна такъ страстно желала, совершилось скорѣе, чѣмъ путь туда, но мученія ея усиливались...

Есть одно свидѣтельство, утверждающее, что у княжны родилась дочь уже въ продолженіи пути, 28 Декабря въ Нарвѣ, послѣдней станціи подъ Петербургомъ. Но это совершенно неправдоподобно: даты не совпадаютъ, да, и кромѣ того, можно ли было бы укрыться отъ зоргаго

¹⁾ Лейбъ-медикъ Императрицы Маріи Феодоровны.

глаза гофмейстерины, графини Ливень? Многія стороны этого таинственнаго дѣла остаются невыясненными и понынѣ; въ интересахъ многихъ современниковъ было набросить непроницаемое покрывало на этотъ трагическій случай, чтобы особенно оградить священную особу Государя. Такъ, — чтобы обмануть общественное мнѣніе, вину приписывали Владиміру Голицыну, но будущее и одно свидѣтельство, стоящее совершенно вѣдъ всякаго сомнѣнія, опровергли намѣренную ошибку: у дочери княжны Туркестановой, у маленькой Мими, была въ свою очередь тоже дочь, до того поразительно похожая на Императора Александра, что сомнѣніе уже невозможно¹⁾. Первая версія тѣмъ менѣе допустима, что измѣническій поступокъ, приписываемый горничной, которая будто бы ввела ночью молодого офицера въ спальню своей госпожи, что позволило ему вышолнить гнусное покушеніе (слѣдствіе пари), совершенно не согласуется съ испытанной вѣрностью этой служанки, которую госпожа очень любила.

Поэтъ Пушкинъ вѣрилъ въ виновность Голицына, и по этому поводу есть даже замѣтка въ его дневникѣ²⁾. Однако, несмотря на великое имя писателя, его слова не могутъ перевѣсить другихъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ³⁾, и послѣ столькихъ лѣтъ могутъ быть не болѣе, какъ отголосками досужихъ расказней.

Возвратившись на родину, въ свою милую дворцовую квартирку, княжна вздохнула и, повидимому, вернулась къ своей обычной жизни.

¹⁾ Одинъ историкъ, работавшій надъ исторіей времени Императрицы Елизаветы, и имѣвшій доступъ въ нѣныя письмохранилища, говорилъ въ частномъ письмѣ: „По моему все, что приписываютъ кн. В. Голицыну, невѣрно. Виновникъ горя и смерти кн. Туркестановой занималъ *болѣе высокое положеніе*. Мнѣ пришлось прійти къ этому заключенію, читая неизданную переписку.“ — По словамъ П. Бартенева, покойнаго составителя „Русскаго Архива“, княжна „Сафиръ“, дочь князя Владиміра Голицына говорила ему, что отцомъ дочери княжны Туркестановой былъ Императоръ Александръ, но что она была воспитана въ ихъ домѣ, и князь Владиміръ старался убѣдить ихъ, что это его грѣхъ. Графъ Александръ Адлербергъ подтверждалъ ей, что князь Голицынъ *„все взялъ на себя“*.

²⁾ Въ записи отъ 8 Марта 1833 г. неизданнаго дневника Пушкина, до сихъ поръ не опубликованнаго по желанію сына поэта, генерала Александра Пушкина, поэтъ писалъ: „Княжна Туркестанова состояла въ связи съ Императоромъ Александромъ I и В. Г., отъ котораго забеременѣла. Она во всемъ призналась Императору (?). Были приняты необходимыя предосторожности, и она разрѣшилась во дворцѣ, такъ что никто не подозрѣвалъ. Императрица Марія Феодоровна приходила къ ней читать Евангеліе, когда она лежала въ постели. Ее вынесли въ другую комнату, и она умерла. В. Гол. все разсказалъ изъ трусости (par lâcheté).“

³⁾ Сестры княжны.

По внѣшности въ этой жизни, какъ бы ничто не измѣнилось—въ душѣ же, когда наконецъ пришлось убѣдиться въ своемъ положеніи—были муки, все возрастающія и тѣмъ болѣе тяжелыя, что приходилось скрывать нѣкоторыя припадки, которыя могли обличить дѣйствительность. Между прочимъ, она страдала отъ ужасныхъ невралгическихъ болей. Въ нихъ можно было признаться, но онѣ „способны были довести до безумія“. Но ея стоицизмъ былъ такъ великъ, что она успѣвала обманывать окружающихъ. Императоръ, еще не знавшій правды въ эту минуту, немного встревожился ея болѣзнию. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, написанномъ за мѣсяць до смерти, она слегка жалуется на свои болѣзни и прибавляетъ:

„Г. Великій желаетъ, чтобы я занялась исключительно своимъ здоровьемъ! Какъ будто это возможно при нашей доброй хозяйкѣ *)“.

Еще въ этомъ послѣднемъ письмѣ она слабѣющею ручкой старается окружить ореоломъ того, кого любила, и показать его гуманнымъ, либеральнымъ: „Когда я рассказала о свадебномъ подаркѣ Остерманна Софи (тысяча душъ крестьянъ) онѣ воскликнулъ:—О Боже, у меня сердце обливается кровью, когда я слышу, что можно дѣлать подобные подарки, словно дарить мебель!...“ Печальное безсиліе самодержца передъ вѣковымъ зломъ.

Жизнь несчастной женщины шла какъ будто въ какомъ то кошмарѣ. Что она перестрадала передъ ужаснымъ моментомъ, никто никогда не узнаетъ. „Мше Моденъ“ одна могла бы многое рассказать, но съ легендарной вѣрностью, свойственной русскимъ слугамъ, она умерла, не открывъ тайны своей госпожи. Самоубійство, на которое рѣшилась княжна, пришлось отложить до рожденія ребенка; но послѣ родовъ и перваго крика дочери, она, уже не колеблясь, поспѣшила уйти изъ жизни. Ядъ, который она считала дѣйствующимъ мгновенно, не умертвилъ ее достаточно быстро, и страданія причиненныя имъ были, вѣроятно, нестерпимы для этого тѣла, измученнаго родами. Она переносила эти страданія съ необычайнымъ мужествомъ, съ фанатизмомъ своихъ далекихъ восточныхъ предковъ.

Даже Крестину она не сдѣлала намека на близкую смерть. Когда имъ овладѣло безпокойство послѣ необъяснимаго молчанія, онѣ обра-

*) Письмо отъ 27 Марта 1819.

тился къ соотечественнику де Сожи, прося извѣстій. Изъ отвѣта онъ узналъ, что княжна уже нѣсколько дней при смерти.

„Получивъ ваше письмо“—пишетъ де Сожи¹⁾,—„я немедленно отправился къ княжнѣ; уже четыре недѣли она въ самомъ плачевномъ состояніи! Какъ это случилось, что въ Москвѣ не знаютъ о ея болѣзни? Теперь она чрезвычайно слаба и часто бредитъ. Доктора потеряли надежду. Третьяго дня она исповѣдалась, а сегодня причастилась. Рибошьеръ заходитъ къ ней три, четыре раза въ день; онъ относится къ ней, словно къ родной сестрѣ...“

Послѣ отчаяннаго поступка, наполовину неудачнаго²⁾, послѣ полного упадка духа и нечеловѣческихъ страданій, у нея все еще хватало силы молчать. Ни при Дворѣ, ни среди окружающихъ никто не зналъ правды. Когда врачи объявили, что надежды больше нѣтъ, она улыбнулась, сказавъ, что у нея ее нѣтъ давно уже... Рибошьеръ у ея постели плакалъ; она утѣшала его; онъ умолялъ ее жить, а она ему отвѣчала, что часъ ея пришелъ³⁾.... Она умерла девять мѣсяцевъ спустя послѣ ночнаго свиданія съ Императоромъ....

Черезъ восемнадцать лѣтъ Крестинъ писалъ о ней графинѣ Бобринской⁴⁾:

„Княжна не совѣтовалась ни съ кѣмъ: возлѣ нея была подруга, во мнѣ она имѣла друга, который не пощадилъ бы ничего, чтобы быть ей полезнымъ; если бы она рѣшилась признаться, что она всего только женщина: но она не могла спуститься съ пьедестала, на который поставили ее всегда высказываемые принципы высокой добродѣтели и полной чистоты нравовъ. Вы меня спрашиваете, кто мнѣ сообщилъ о причинѣ ея смерти? Старинная подруга, начавшая тѣмъ, что была

¹⁾ Письмо отъ 18 Мая 1819 г.

²⁾ Версія, уже тогда ходившая въ публикѣ и подтвержденная достоверными данными, утверждала, что послѣ рожденія дочери она приняла ядъ и умерла въ ужасныхъ мученіяхъ.. Ея дочь, носившая фамилію Г... была замужемъ за Нелидовымъ. (Замѣтка барона Будберга, стр. 17). Парижскій посоль получилъ эти документы отъ графа Бобринскаго, сына княгини Софи.

³⁾ Письмо графа Рибошьера Крестину отъ 22 Мая 1819 г.

⁴⁾ Письмо Крестина отъ 5 Мая 1827 г. къ графинѣ Софій Бобринской при отсылкѣ переписки княжны Туркестановой.

покровительницей, и въ концѣ концовъ почувствовавшая, что можетъ только пользоваться покровительствомъ.“

Объ Императрицы никогда не узнали о паденіи своей блестящей фрейлины. Елизавета писала 22 Мая своей матери, Маркграфинѣ Амаліи Баденской¹⁾: „Княжна Туркестанова умерла сегодня ночью отъ послѣдствій холеры, которой она заболѣла двѣ или три недѣли тому назадъ“.

Черезъ день она возвращается къ тому же предмету: „Мы объедемъ въ Павловскѣ; сегодня день рожденія Великаго князя Константина; обыкновенно, въ этотъ день бываетъ большое торжество, но на этотъ разъ по случаю смерти княжны Туркестановой, Императрица-мать не принимаетъ никого къ великому огорченію Александрины²⁾. Амэли³⁾ скажетъ вамъ, можно ли было предвидѣть шесть лѣтъ тому назадъ, даже три года, что Императрица-мать отмѣнитъ приѣмъ изъ за *Turcarette*, какъ мы называли ее тогда. Такъ, я все возвращаюсь къ своему стиху изъ трагедіи:

„Ergebt euch nicht der Schädlichen Gewohnheit
Daran zu denken was gewesen ist—
Am Hofe dringt jedwede Stunde ein neues Leben“.⁴⁾

Ни одного слова сожалѣнія о той, кто съ самаго начала состояла при ней лично; ни малѣйшей оцѣнки личности, возбуждавшей зависть при дворѣ, носимой на рукахъ въ петербургскихъ салонахъ.—Изъ этого можно догадаться о ревности, вспыхнувшей заднимъ числомъ, перешедшей за могилу женщины, вообще мягкой и привязчивой.

Старый другъ⁵⁾, отъ котораго Крестинъ узналъ дѣйствительный ходъ прошедшаго, былъ никто иной, какъ та самая княгиня Борисъ, „изъ покровительницъ превратившаяся въ покровительствуемую“, вѣроятно испытавшая коварное удовольствіе, открываясь ему:

„Странная вещь міръ, дорогая Агнеса“.....

1) Письмо отъ 22 Мая 1819 г. „Русскій Архивъ“ Мартъ 1890, стр. 437.

2) Золушка Императрицы, жена наслѣдника престола.

3) Сестра Императрицы.

4) Не предавайтесь вредной привычкѣ думать о томъ, что было, — при дворѣ каждый часъ приноситъ новую жизнь.

5) Письмо Крестина къ графинѣ Софін Бобринской отъ 11 Юля 1837.

Что же касается Голицына, то онъ рѣшилъ усыновить дитя тайной любви государя¹⁾. Это, можетъ быть, было больше поступкомъ перетонченнаго придворнаго, чѣмъ раскаяніемъ относительно женщины, противъ которой онъ былъ виноватъ. Князь воспитывалъ маленькую Мими съ собственною дочерью и, такимъ образомъ, подтвердилъ преднамѣренную ошибку, разсѣивавшую предположеніе о высокомъ происхожденіи дѣвочки²⁾.

*

Княжна угасла спокойная, покорившись судьбѣ, послѣ столькихъ пламенныхъ нравственныхъ судорогъ. Любя нѣкогда страстно жизнь, прилѣпляясь къ ея различнымъ интересамъ, затѣмъ увлеченная своею страстью—она теперь покорно умирала, хотя и оставляла послѣ себя ребенка, плодъ своей вины, сиротой, предоставленной всеѣмъ случайностямъ существованія. Но она слишкомъ устала жить, ей слишкомъ опротивѣла пустота всего житейскаго, все ничтожество земныхъ ласкъ... Чѣмъ была она, въ концѣ концовъ, какъ не игрушкой своихъ двухъ любовниковъ? Для Александра она служила развлеченіемъ его уму, скорѣе чѣмъ чувству въ часы досуга; для Голицына—капризомъ чувственности.

Страшныя мученія, вызванныя ядомъ, прекратились; крайняя слабость мѣшала остротѣ чувствъ и создавала кругомъ мирную атмосферу. Княжна исполнила религіозныя обязанности³⁾. Императрица-мать ежедневно читала ей въ послѣдніе дни набожныя книги, присоединяя увѣщанія, и молодая женщина исчезла изъ міра—какъ жила среди тщетнаго великолѣпія Двора,—почти одинокая душой: ея сестеръ, ея лучшей подруги при ней не было, а Императоръ не посѣтилъ ее на ложѣ смерти... Это было тѣмъ болѣе удивительно, что ему не надо было признаваться въ преступныхъ сношеніяхъ, такъ какъ всеѣмъ извѣстная дружба оправдала бы его присутствіе, и что подозрѣніе въ измѣнѣ, можетъ быть, закравшееся въ роковую Августовскую ночь.

¹⁾ Эта дочь, Александра (Сафиръ), постригшаяся въ монахини, нѣсколько разъ заявляла, что отцомъ Мими былъ Императоръ Александръ. Между прочимъ она говорила это П. И. Бартеневу.

²⁾ Въ концѣ одной рукописи, долгое время оставшейся неизданной, относительно смерти княжны Туркестановой, находится приписка одного изъ нашихъ извѣстныхъ бібліографовъ и генеалоговъ: „Княжна Туркестанова родила дочь (Мими) Марію. Она воспитывалась у кв. В. С. Г. (Голицына) съ его прочими дѣтьми“.

³⁾ Въ воскресенье княжна причастилась съ необычайной твердостью. (Письмо графа-Рибоьера Арсеневу (дядѣ княжны) отъ 22 Мая 1819 г.).

не могло служить извиненіемъ странному равнодушію въ подобную минуту этого человѣка съ таинственной и больной душой. И другой любовникъ тоже не пришелъ.

Когда послѣднее тяжелое посѣщеніе Императрицы кончилось, Варя Туркестанова, оставшись въ тишинѣ наединѣ съ Рибопьеромъ, протянула ему руку, которую онъ держалъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній вздохъ не вылетѣлъ безъ агоніи.

„Она была ласкова со смертью, какъ со всѣми“. —

Кн. Шаховская-Стрѣшнева.

